

И. М. МАЙСКИЙ

Кто помогал Гитлеру (Из воспоминаний советского посла)

<Фрагменты>

Черчилль и Бивербрук

Прежде чем перейти к изложению дальнейших событий, я считаю необходимым остановиться на некоторых серьезных условиях иного рода, которые нам принесла смена Настроений в английских правящих классах.

Я уже говорил, что, направляя меня в Лондон, М. М. Литвинов по поручению Советского правительства ставил передо мной как важнейшую задачу установление связей и контактов с консервативными кругами. Я начал действовать в этом направлении с первых же дней моей работы в Англии. Но сначала мои усилия имели весьма умеренный успех. Мне удалось «завоевать» либералов, в том числе таких крупных, как Ллойд Джордж, Герберт Самуэль, Арчибальд Синклер и другие; либералы, конечно, составляли часть господствующего класса, но в 30-е годы, как я уже упоминал, они не пользовались большим влиянием на правительство. Что же касается консерваторов, то тут я сумел завести знакомство с лицами второго и третьего ранга, однако фигуры более значительные по-прежнему сторонились советского посольства.

Единственным исключением был дом Асторов, но о специфических причинах, побуждавших леди Астор в те годы изображать из себя «друга» советского посла, я уже говорил выше. К тому же в консервативных кругах статус леди Астор был весьма своеобразен: ее считали богатой и взбалмошной американкой, способной на любую экстравагантность, чем-то вроде политической «enfant terrible». Поэтому тот факт, что советский посол поддерживал

знакомство с леди Астор, еще не открывал перед ним дверей других консервативных цитаделей.

Теперь положение изменилось. С нами стали искать знакомства руководящие политики консервативного лагеря. Я, разумеется, старался использовать до максимума создавшуюся конъюнктуру и действительно успел установить прочные контакты с целым рядом виднейших представителей британского консерватизма, контакты настолько устойчивые, что они сохранились даже позднее, когда в англо-советских отношениях наступило сначала похолодание, а затем и настоящий мороз. Наиболее важными и интересными из этих новых знакомых были, несомненно, У. Черчилль и лорд Бивербрук.

В конце июля 1934 г., примерно через месяц после описанного выше завтрака с Саймоном, Ванситарты пригласили меня с женой к себе на обед. Кроме нас присутствовал еще Черчилль с женой. Положение, которое в это время занимал Черчилль, было очень своеобразным.

Потомок герцога Мальборо и один из знатнейших аристократов Англии, Черчилль сделал блестящую политическую карьеру и сменил целый ряд министерских кресел вплоть до столь высокого в британской правительственной иерархии поста, как пост министра финансов (1924–1929 гг.). Но тут вдруг произошла заминка. К тому моменту, когда мы встретились с Черчиллем в доме Ванситартов, он уже пять лет не занимал никаких министерских должностей, формально оставался лишь обыкновенным депутатом парламента. Забегая несколько вперед, скажу, что на этом «низком уровне» Черчилль пребывал до самого начала второй мировой войны. Правящая консервативная партия явно не хотела пускать его к вершинам власти. В чем было дело?

Моя гипотеза сводится к следующему: десятилетие 1929–1939 годов было периодом сравнительно спокойного развития английской политической жизни, и арену государственной деятельности заполнили люди средние и даже мелкие, такие как, например, Невиль Чемберлен. Самуэль Хор, Галифакс, Саймон и др. Нет надобности преувеличивать политические качества Черчилля, как это часто делается в западной литературе; Черчилль нередко ошибался в оценке людей и событий (об этом мне еще придется говорить); во время войны он взял неправильную линию, неправильную даже с точки зрения британских интересов, дальнего прицела, но все-таки Черчилль был гораздо умнее

всех только что перечисленных персонажей и вдобавок отличался еще сильным авторитарным характером. Поэтому тогдашние министры его просто боялись, боялись, что благодаря своим качествам и своему авторитету в консервативных кругах и в стране он подавит их, скрутит, превратит в свои пешки. Пусть уж лучше такой матерый политический бульдог стоит в стороне от дороги, по которой сравнительно гладко катится колесница власти!.. Только грозный кризис «второй мировой войны вернул Черчилля в правительство — сначала в качестве морского министра, а потом в качестве премьера. Но тут в игру вошли уже такие факторы, над которыми «Чемберлены» и «саймоны» были не властны. Впрочем, даже и лишенный министерского портфеля, Черчилль в те годы представлял собой одну из крупнейших политических фигур Англии и, несомненно, пользовался большим влиянием в широких парламентских кругах. Это влияние еще более возросло, когда с середины 30-х годов Черчилль стал лидером внутренней оппозиции в консервативной партии, усматривавшей ключ к безопасности Британской империи в возрождении Антанты эпохи первой мировой войны.

Не знаю, кто был инициатором встречи Черчилля со мной (сам Черчилль или Ванситарт), но факт тот, что в тот теплый июльский вечер 1934 года мы шестером сидели за одним столом и беседовали на разные текущие темы. Когда же после кофе дамы, по английскому обычаю, удалились в гостиную и в столовой остались только мужчины, начался более серьезный разговор. Во время этого разговора Черчилль откровенно объяснил мне свою позицию.

— Британская империя, — говорил Черчилль, — для меня начало и конец всего. Что хорошо для Британской империи, — хорошо и для меня; что плохо для Британской империи, — плохо и для меня... В 1919 году я считал, что величайшей опасностью для Британской империи является ваша страна, — поэтому тогда я был противником вашей страны. Сейчас я считаю, что величайшей опасностью для Британской империи является Германия, — поэтому сейчас я противник Германии... Вместе с тем я полагаю, что Гитлер готовится к экспансии не только против нас, но и на востоке, против вас. Почему бы нам не объединиться в борьбе против общего врага?.. Я был противником коммунизма и остаюсь его противником, но ради целостности Британской империи я готов сотрудничать с Советами.

Я должен был констатировать, что Черчилль говорит искренне и что мотивировка, которую он дает своей смене вех, логична и возбуждает доверие.

В том же духе откровенности я ответил Черчиллю:

— Советские люди являются принципиальными противниками капитализма, но они очень хотят мира и в борьбе за мир готовы сотрудничать с государством любой системы, если оно действительно стремится предотвратить войну.

И я сослался при этом на ряд конкретных фактов и исторических событий.

Черчилль был вполне удовлетворен моими словами, и с этого вечера между нами началось знакомство, сохранившееся до самого конца моей работы в Англии. Отношения между нами были необычны и даже в известной мере парадоксальны. Мы были людьми двух противоположных лагерей и всегда об этом помнили. Помнил я и о том, что Черчилль был важнейшим лидером интервенции в 1918–1920 годах. Идеологически между нами лежала пропасть. Однако в области внешней политики иногда приходится шагать вместе с вчерашними врагами против сегодняшнего врага, если того требуют интересы. Именно поэтому в 30-х годах я, при полном поощрении из Москвы, поддерживал постоянные отношения с Черчиллем в целях подготовки совместной борьбы с Англией против гитлеровской угрозы. Конечно, все время чувствовалось, что Черчилль в голове прикидывает, как бы получше использовать «советский фактор» ради сохранения мировых позиций Великобритании. Поэтому мне всегда приходилось быть начеку. Тем не менее знакомство с Черчиллем представляло большую ценность. Оно сыграло свою роль в последующих событиях, особенно в период второй мировой войны.

Несколько иначе установились отношения между мной и лордом Бивербруком. Летом 1935 года, примерно через год после моей первой встречи с Черчиллем, ко мне как-то приехал левый лейбористский лидер Эньюрин Бивен. Мы были с ним хорошо знакомы, и он сразу стал говорить со мной «запросто».

— Я к вам по одному деликатному делу, — начал Бивен. — У меня есть друг — лорд Бивербрук... Вы слышали, конечно, о нем?

Я утвердительно кивнул головой.

— Так вот, — продолжал Бивен, — лорд Бивербрук хотел бы с вами познакомиться... Он уже приготовил приглашение вам

на завтрак, но предварительно просил меня выяснить, как вы отнесетесь к такому приглашению... Бивербруку неприятно было бы получить отказ... А, кроме того, он действительно заинтересован во встрече с вами по политическим соображениям... Ну, что вы скажете?

В моей голове мгновенно пронеслось то важнейшее, что мне было известно о Бивербруке: канадец, начал карьеру в качестве скромного адвоката; потом перешел на газетную стезю; во время первой мировой войны приехал в Англию и быстро завоевал себе здесь положение газетного короля; был одно время министром в кабинете Ллойд Джорджа; сейчас одна из влиятельнейших фигур в британских политических кругах и владелец целого «куста» органов печати, среди которых «Дейли экспресс» имеет двухмиллионный тираж; в последние годы занимал антисоветскую позицию и в дни англо-советского кризиса из-за дела «Метрополитен-Виккерс» вел бешеную кампанию против СССР, в том числе лично против меня...

И вот теперь этот самый Бивербрук приглашает меня к себе на завтрак!

— А каковы сейчас настроения и намерения Бивербрука? — спросил я Бивена.

— О, самые лучшие, — воскликнул Бивен. — Бивербрук считает, что в нынешней обстановке Англии и СССР по пути.

— Ну, что же? — заключил я. — Я приму приглашение Бивербрука... Не стоит ворошить прошлое, если в настоящем мы можем идти вместе против гитлеровской Германии.

Несколько дней спустя (если память мне не изменяет, это было 4 июня) я сидел за столом у Бивербрука. Мы были вдвоем, и я имел возможность близко его рассмотреть. Это был человек невысокого роста, необычайно живой и непоседливый, с круглым подвижным лицом и острыми, колючими глазами. Из его уст вырывался настоящий фейерверк афоризмов, сентенций, оценок, характеристик людей и событий. В выражениях он не стеснялся. Разговор с Бивербруком был чрезвычайно интересен и поучителен, и я просидел у него более двух часов. Несколько раз порывался встать и раскланяться, но хозяин меня не отпускал.

В ходе беседы Бивербрук, подобно Черчиллю, счел необходимым объяснить мне причины своего поворота в отношении СССР.

— Да, да, — скороговоркой говорил Бивербрук, — мы должны идти вместе... Скажу откровенно, я не очень люблю вашу страну,

но я очень люблю Британскую империю... Ради здоровья Британской империи я готов на все... А Германия сейчас — главная проблема не только для Европы, но и для Британской империи. Так будем же друзьями!

Это тоже было откровенно и, что особенно важно, вполне искренне. Я был очень доволен. Меня всегда тошнило от слащавых речей о симпатии к «России и русскому народу», которыми иные английские политики при кривали пустоту своих чувств или даже антисоветские интриги. Грубоватый реализм Бивербрука производил на меня освежающее впечатление. Да, он руководился эгоистическим интересом своего государства и апеллировал к «эгоистическому интересу» (в его понимании) Советского государства, но на таком базисе можно было строить серьезную политику совместных действий против общей опасности со стороны германского агрессора.

Действительно, мое знакомство с Бивербруком в дальнейшем сильно укрепилось и принесло немало пользы Советскому Союзу. В годы второй мировой войны Бивербрук, будучи членом военного кабинета Черчилля, оказал немало услуг нашей стране в делах снабжения. Он также с самого начала Великой Отечественной войны сделался горячим сторонником открытия второго фронта во Франции. Не случайно Советское правительство наградило Бивербрука одним из наших высших орденов.

<...>

Политические сумерки

Когда я вспоминаю первые месяцы войны и настроения, господствовавшие в то время в Англии, мне в голову невольно приходит выражение: политические сумерки. Сумерки, в которых все вещи и события принимали какие-то неясные, плывущие, неопределенные очертания.

Начну с правительства. Мне было известно, что внутри кабинета нет полного единства взглядов на характер войны и ее дальнейший ход. Правда, подавляющее большинство министров шло за Чемберленом, однако имелось меньшинство, которое относилось к премьеру весьма критически. Это меньшинство формально состояло из двух человек — Черчилля и Идена, но к нему в большей или меньшей степени тяготели некоторые другие министры, которые открыто не выступали против Чем-

берлена, но находили в его политике немало отрицательного, а в политике Черчилля немало положительного. Сюда относились такие люди, как министр здравоохранения В. Эллиот, военный министр Л. Хор-Белпша, министр просвещения Делавар и еще кое-кто. Между обеими группами шла борьба и, хотя пока Чемберлен несомненно оставался хозяином положения, за будущее в обстановке войны трудно было ручаться. Действительно, как мы скоро увидим, весной 1940 г. авторитет Чемберлена резко упал, а роль Черчилля неизмеримо возросла.

Чемберлен считал, что Гитлер не хочет всерьез воевать с Англией и что у Англии нет оснований всерьез воевать с Германией, а все происходящее на Западе после разгрома Польши — не больше, как взаимное маневрирование для получения более выгодных позиций при заключении «разумного компромисса» между обеими сторонами. Это видно было по всем действиям правительства, это проскальзывало даже в открытых выступлениях самого Чемберлена и министра иностранных дел лорда Галифакса. Так, в речи по радио 7 ноября 1939 г. Галифакс следующим образом определял военные цели Великобритании:

«Мы сражаемся в защиту свободы; мы сражаемся в защиту мира; мы отвечаем на угрозу безопасности нашей собственной и другим нациям; мы защищаем права всех наций жить своей собственной жизнью. Мы сражаемся против того, чтобы грубая сила стала арбитром между народами и заменила собой силу закона, против того, чтобы насильственно нарушалась святость договоров и раз данного слова».

Точно так же сам премьер-министр в речи по радио 26 ноября, характеризуя цели, которые преследует Англия в этой войне, говорил:

«Мы стремимся создать новую Европу, новую не в смысле переделки старых карт и границ в соответствии с волей победителей, а в том смысле, чтобы Европа была проникнута новым духом и чтобы все населяющие ее нации подходили к существующим между ними трудностям с чувствами доброй воли и взаимной терпимости».

Все это были общие фразы и красивые слова, которые открывали возможность для самых различных толкований и ничуть не мешали заключению мира с Германией. Биограф Чемберлена Кис Филлинг воспроизводит следующие слова премьера, относящиеся к названному времени:

«То, на что я надеюсь, — говорил Чемберлен, — не есть военная победа, возможность которой представляется мне весьма сомнительной, но крушение внутреннего фронта в Германии. Для этого необходимо убедить немцев, что они не могут выиграть войну».

Лучшим же средством для этого Чемберлен считал блокаду Германии и полагал, что желательный эффект ее скажется к весне 1940 г. Чемберлен мечтал о том, чтобы под влиянием блокады «экстремисты» во главе с Гитлером были смещены более «умеренными» элементами (читай: германскими генералами), с которыми можно было бы договориться о мире, построенном на «разумном компромиссе». Чемберлен был уверен, что и в Германии сильны такие же настроения и что поэтому ожидать развязывания настоящей войны на Западе не приходится. Очень любопытно свидетельство английского фельдмаршала Монтгомери. В своих мемуарах он рассказывает:

«Хорошо помню визит Чемберлена в мою дивизию (находившуюся тогда во Франции. — И. М.). Это было 16 декабря 1939 г. После завтрака он отвел меня в сторону и сказал мне так тихо, чтобы никто не мог нас слышать: “Я не думаю, чтобы немцы имели какое-либо намерение атаковать нас”».

Вот какова была концепция, из которой исходили люди «клинденской клики» в своих прогнозах на ближайшее будущее, а ведь в первые месяцы войны они определяли политику Англии!

Другая группировка внутри правительства, группировка Черчилля, смотрела на вещи гораздо реалистичнее и правильнее. Так, в речи по радио 12 ноября 1939 г. Черчилль прямо заявил:

«Никто на Британских островах не думает, что эта война будет легкой и короткой».

«Никто на Британских островах...» Это было явное преувеличение или дань вежливости по адресу премьера, к которой Черчилля вынуждало его положение члена кабинета.

В разговоре со мной 6 октября Черчилль высказывался гораздо откровеннее.

— Чемберлен, — говорил он, — все еще рассчитывает охвать верхом на тигре (так он именовал Гитлера) или на его последышах... Это чепуха!.. И все надежды Невиля на окончание войны к весне тоже глупость... Война будет длинной и жестокой. В недалеком будущем Англии придется сражаться за свою жизнь... Никаких «разумных компромиссов» с Германией не может быть.

Очень запомнился мне также разговор с военным министром Хор-Белиша, происходивший в начале ноября 1939 г. Наши отношения с ним носили несколько своеобразный характер. Будучи национал-либералом и входя в группировку, возглавлявшуюся Саймоном, Хор-Белиша избегал визитов в советское посольство. Однако, когда мы встречались с ним где-либо в нейтральных местах, он охотно разговаривал со мной и не стеснялся в оценках дел и людей, которые ему не нравились. Хор-Белиша был умный человек, с большой инициативой, и именно поэтому не очень нравился «кливденской клике». На этот раз я увидел его на одном из дипломатических приемов и спросил, что он думает о перспективах войны. Хор-Белиша раздраженно махнул рукой, точно отмахиваясь от надоевшей мухи, и, отведя меня в сторону, сказал:

— Перспективы войны?.. Ничего хорошего пока я не ожидаю... Мы всегда опаздываем, безнадежно опаздываем... Вот сейчас мы с гордостью заявляем, что в Англии и империи под ружьем миллион человек, — во-первых, этого мало, а во-вторых, это поздно... Миллион под ружьем надо было иметь два года назад, к нынешнему дню мы имели бы тогда обученную армию в миллион человек, а сейчас наш миллион — просто необученные рекруты... Разве могут они противостоять германской армии?

Хор-Белиша остановился на минуту и затем с горечью продолжал:

— Нами управляют старики, которые не понимают обстановки и требований времени. Чем занимается правительство? Сочинением разных никому не нужных бумажек! Премьер уверяет, что никакой войны не будет и что к весне мы подпишем мир с Германией... Какая нелепость! Мы стоим перед величайшим испытанием в нашей истории, мы должны были бы самым срочным порядком мобилизовать всех боеспособных мужчин, заменить мужчин в промышленности женщинами, вообще приготовиться к длинной и тяжелой войне, но правительство не хочет об этом и слышать. Говорят: «Не будем провоцировать Гитлера»... А я вот всем своим существом чувствую, что Гитлер преподнесет нам страшный сюрприз, притом — не в столь отдаленном будущем.

В словах Хор-Белиша было много правды, но именно поэтому он пришелся не ко двору в правительстве Чемберлена и 5 января 1940 г. вынужден был уйти в отставку.

Однако все эти споры и разногласия о дальнейшем ходе войны носили какой-то не вполне реальный характер, потому что

в игре имелся еще один важный фактор — гитлеровская Германия. Каковы были ее планы и намерения? Да, сейчас она молчит и на фронте проявляет удивительную пассивность. Но что это: серьезная политика или военная хитрость? Никто не мог с точностью ответить на этот вопрос, и потому как надежды Чемберлена, так и прогнозы Черчилля до поры до времени оставались лишь туманными скоплениями противоречивых мыслей.

Настроения вне правительства также были проникнуты сумеречными тонами. Лейбористы не проявляли никакой самостоятельности или оригинальности. По существу они просто плелись в хвосте у правительства, ограничивая свою критику частными вопросами и мелкими деталями. 8 ноября 1939 г. лейбористский лидер Клемент Эттли на собрании парламентских депутатов своей партии выдвинул программу лейбористских целей войны. Во всем основном они совпадали с тем, что по этому поводу говорили Чемберлен и Галифакс, но было одно отличие: Эттли требовал «отмены империализма» и «равных прав всех наций в доступе к рынкам и источникам сырья». Эттли, однако, не указывал, как это может быть достигнуто, а все прошлое лейбористской партии заставляло думать, что приведенное требование является лишь демагогической погрешкой, призванной вносить известное успокоение в взволнованные души рабочих масс.

Души же эти были действительно взволнованы и одновременно сбиты с толку. Простые люди — то, что англичане называют «man in the street» (человек с улицы), — гораздо более искренни и прямолинейны, чем высокие «политики». Когда была объявлена война, они думали, что действительно начнется война. Помню, как-то в октябре 1939 г. я разговорился с шофером такси, который привез меня домой. Он находился в полном недоумении.

— Какая же это война? — говорил он, разводя руками. — В прошлую войну сразу же начались большие бои, немцы бросились во Францию, дошли чуть не до Парижа... А сейчас?

Шофер пожал плечами и потом продолжал:

— Мой сын ушел в армию, говорит, что будет война... А другие говорят, что никакой войны не будет, до весны постоят на фронте, а потом вернутся домой... Кто их разберет?

В другой раз я зашел выпить кофе в демократический ресторанчик известной компании «Ляйонс». Подавальщица, молодая девушка, оказалась словоохотливой и рассказала о своей «дилемме». У нее есть жених, и они собирались скоро обвенчаться.

— Вот как только все будет готово, — доверчиво прибавила она, — а у нас еще часть мебели не куплена...

В Англии принято (даже в рабочей среде) вступать в брак только тогда, когда все «оборудование» для семейного очага, вплоть до салфетки и носового платка, уже приобретено.

— Мы рассчитывали закупить все к весне будущего года, а тут объявили войну и моего Джимми взяли в армию... Вот и не знаем, как быть... Джимми говорит: «Давай поженимся сейчас, хоть у нас и не все готово... Если со мной что-нибудь случится на войне, ты хоть пенсию будешь получать»... А я ему говорю: «Так у нас же еще не все закуплено... Подождем... Все говорят, что никакой ойны не будет»... Так и спорим без конца... Как вы думаете, будет война или не будет?

Из местных организаций лейбористской партии и тред-юнионов также доходили сведения о наличии разброда среди рабочих. Правда, с конца октября некоторые профсоюзы (в Глазго, Эдинбурге, Абердине, Бирмингеме и др.) стали принимать антивоенные резолюции, но это были все-таки исключения. В основном рабочие массы «безмолвствовали» и, подобно подавальщице у «Ляйонса», гадали: будет война или не будет?

В стране господствовало настроение, которое очень напоминало настроение сюрприза. Чемберлен в речи 26 ноября даже прямо заявил, что «до сих пор война мало походит на то, чего мы ожидали». А мой старый знакомый, министр здравоохранения Вальтер Эллиот, с которым я познакомился много лет назад в доме Бернарда Шоу, так расшифровал мне эту фразу премьера.

— Многие думали, — говорил он за чашкой чая, — что Гитлер сразу же обрушится на Францию, а он до сих пор молчи г. Многие думали, что немцы сразу же начнут бомбить наши города, а до сих пор ни один германский самолет не появлялся над Лондоном... Со стороны Гитлера это, может быть, уловка, а может быть, и не уловка. Не исключено, что он мечтает о создании единого капиталистического фронта против вашей страны...

Я усмехнулся, а Эллиот поспешил прибавить:

— Мы, разумеется, на это не пойдем, но Гитлер может строить себе иллюзии... Вы же знаете его отношение к коммунизму.

Я ответил:

— Лично вы, мистер Эллиот, может быть, и не пойдете на единый фронт с Гитлером против СССР, но не ручайтесь яа своего премьера.

Эллиот начал что-то говорить о силе общественного мнения, которое никогда не допустило бы союза Англии с гитлеровской Германией, однако я прервал его и спросил, как обстоит дело с мобилизацией британских сил для ведения войны.

— Здесь тоже, — ответил Эллиот, — действительность оказалась лучше наших ожиданий... Прежде всего правительству удалось создать внутри страны единый национальный фронт: либералы и лейбористы его поддерживают. Правда, среди лейбористских депутатов имеется маленькая группа пацифистов типа Ленсбери, которые выступают против войны и за мир во что бы то ни стало, но их влияние ничтожно. Далее правительству удалось привлечь на свою сторону империю...

И Эллиот вкратце рассказал то, что мне уже раньше было известно о реакции доминионов и колоний на объявление метрополией войны гитлеровской Германии.

— И наконец, — продолжал Эллиот, — за первые три месяца войны значительно улучшилось наше международное положение...

Эллиот лукаво посмотрел на меня:

— Не желая того, вы оказали нам хорошую услугу.

— Что вы хотите сказать? — спросил я.

— Видите ли, — пояснил Эллиот, — ваш пакт о ненападении с Германией вызвал известный разлад между Германией, с одной стороны, Италией, Испанией и Японией — с другой. Это усилило у Муссолини и Франко настроение соблюдать до поры до времени нейтралитет в начавшейся войне, стало быть наши коммуникации через Средиземное море с Индией и другими британскими владениями на Востоке пока в безопасности. Легче нам стало и на Дальнем Востоке... Нет худа без добра! Потом, как вы знаете, в октябре мы и Франция подписали пакт о взаимопомощи с Турцией, это обеспечивает нам, помимо всего прочего, если не поддержку, то во всяком случае дружественный нейтралитет всего мусульманского мира в Северной Африке, на Ближнем Востоке, в Индии... Наконец, в США только что принят новый закон о нейтралитете. Теперь открываются огромные возможности получения нами оружия и амуниции из Америки. Рузвельт стал нашим негласным союзником... Да, да, наше положение сейчас значительно укрепилось по сравнению с тем, что было три месяца назад!

Эллиот, потирая руки от удовольствия, дал понять, что нейтралитет СССР также является положительным фактором с ан-

глийской точки зрения. Он сильно оздоравливает международную обстановку.

Эллиот был прав, подчеркивая известное укрепление положения Англии на исходе третьего месяца войны. Именно этим объяснялось отрицательное отношение британского правительства к «мирной оффензиве» Гитлера, которую он открыл после разгрома Польши, а также к попыткам посредничества, предпринятым бельгийским королем и голландской королевой в ноябре 1939 г. В английских правящих кругах не было группировки, подобной группировке Лавала, Бонне и других, которая имелаась во Франции и которая требовала немедленного мира на любых условиях. Британское правительство хотело мира на базе «разумного компромисса» и потому пока что считало необходимым маневрировать, тем более что целый ряд факторов внутреннего и внешнего порядка открывал перед ним такую возможность.

И еще одно. Английское правительство возлагало тогда большие надежды на фактор времени. Даже «квивденцы» рассуждали примерно так: ресурсы Британской империи и Франции неизмеримо больше германских, но Германия вступила в войну с уже мобилизованными ресурсами, а Англия и Франция тогда еще не успели этого сделать. Англии и Франции нужен известный срок, чтобы привести свои силы и средства в состояние боеспособности: чем больше они будут иметь для этого времени, тем решительнее скажется их перевес над Германией. Вот когда такой перевес станет вполне несомненным, наступит момент для ведения переговоров с Германией в целях достижения «разумного компромисса»; пока же надо ждать и все крепче сжимать третий рейх кольцом блокады и голода. Разве не блокада и голод поставили на колени кайзеровскую империю в конце первой мировой войны?

Во всех этих планах и расчетах имелось много наивности и исторической слепоты, но таковы были свойства, присущие «мюнхенцам» как до войны, так и во время войны. Именно отсюда вытекала глубокая уверенность Чемберлена, что события не выйдут за рамки «странной войны» и что к весне 1940 г. мир на Западе будет восстановлен. Мелкими, но весьма характерными симптомами такой уверенности были два следующих факта: в конце декабря 1939 г. английским военным служащим, находившимся во Франции, были разрешены отпуска для про-

ведения рождества на родине, а в январе 1940 г. были возвращены в Лондон эвакуированные раньше в сельские местности женщины и дети.

Нет, нет! Чемберлен совсем не думал о какой-либо серьезной войне. Он не ждал никакой непосредственной опасности со стороны Германии. Его политическая слепота, вытекавшая в конечном счете из ненависти к стране социализма, была воистину феноменальна. То, что фактически произошло каких-либо три месяца спустя, явилось для британского премьера полной неожиданностью.

<...>

22 июня 1941 г.

Суббота 21 июня была жарким и солнечным днем. В Лондоне такие бывают не часто. Поэтому сразу же после окончания работы в посольстве, в час дня, мы с женой уехали в Бовингдон.

— Какие новости? — спросил меня Негрин, пожимая руку.

Я пожал плечами:

— Пока ничего особенного, однако атмосфера предгрозовая... В любой момент можно ждать бури.

Я имел в виду сведения, пророчества, слухи о предстоящем «прыжке» Гитлера на Восток, против СССР, которым Запад жил в течение предшествующего месяца.

Переодевшись в легкий летний костюм, я пошел бродить по саду, окружавшему дом Негрина. Посидел на скамейках, повалялся на ярко-зеленой траве, подставляя лицо лучам теплого солнца. И земля, и воздух были полны пьянящими запахами созревшего лета, и я их жадно вдыхал с радостью, с наслаждением, стараясь не думать о грозных опасностях момента...

Разум говорил мне — и я об этом уже не раз давал знать в Москву, — что нападение гитлеровской Германии близко, вот-вот за углом, но сердцем как-то не хотелось в это верить. Лежа в тот памятный день на траве, я думал:

— Неужели завтра, послезавтра война?.. Неужели гитлеровские орды бросятся через нашу границу?.. Неужели фашистские бомбы обрушатся на наши города?.. Неужели десятки и сотни тысяч советских людей обречены на жестокую смерть под ударами врага?.. Ах, если бы всего этого можно было избежать!..

Вдруг меня позвали к телефону. Звонил секретарь посольства из Лондона: Стаффорд Крпппс хочет меня немедленно видеть.

Криппс, бывший в то время британским послом в СССР, в начале июня приехал в Англию для консультации со своим правительством. Раза два он был у меня, говорил, что его работа в Москве никак не может наладиться и что он собирается уходить со своего поста. Зачем сейчас я так экстренно понадобился ему? Это сразу насторожило меня.

Час спустя я был уже в посольстве. Криппс вошел ко мне сильно взволнованный.

— Вы помните, — начал он, — что я уже неоднократно предупреждал Советское правительство о близости германского нападения... Так вот, у нас есть заслуживающие доверия сведения, что это нападение состоится завтра, 22 июня, или в крайнем случае 29 июня... Ведь вы знаете, что Гитлер всегда нападает по воскресеньям... Я хотел информировать вас об этом.

После того как мы обменялись краткими репликами по поводу сообщения Криппса, он прибавил:

— Разумеется, если у вас начнется война, я немедленно же возвращаюсь в Москву.

Когда Криппс ушел, я сразу же отправил в Народный комиссариат иностранных дел шифровку-молнию о его сообщении. Потом опять вернулся в Бовингдон — к загородной тишине, к тенистому саду, к запахам лета, но в голове еще острее, чем раньше, стоял неотступный вопрос: «Неужели завтра война?»

Ночь я спал беспокойно, а в 8 часов утра 22 июня снова раздался звонок из посольства. Страшно взволнованный советник К. В. Новиков быстро-быстро говорил:

— Вы слышали английское радио?.. Гитлер сегодня рано утром напал на Советский Союз!.. Немцы перешли границу, бомбят наши города... Идут бои... Есть жертвы...

«Началось!.. — мелькнуло в голове. — Что-то будет?»

Негрин и все обитатели его дома были уже на ногах, полуодетые и крайне возбужденные. Тут же, у телефона, вспыхнул горячий обмен мнениями по поводу сенсационной новости и открывающихся впереди перспектив. Потом мы с женой спешно переоделись и сели в машину. По дороге от Бовингдона до Лондона я обдумывал свои ближайшие практические шаги, а когда мы прибыли в посольство, секретарь рассказал, что только что звонили от Идена: министр иностранных дел желал меня видеть у себя в 12 часов дня. Около 11 часов по советскому радио было сообщено, что в полдень выступит с за-

явлением по радио нарком иностранных дел. Я позвонил Идену и, сославшись на это обстоятельство, просил его принять меня после речи В. М. Молотова. Тот охотно согласился, и фактически мое свидание с британским министром иностранных дел состоялось около часу дня.

Когда я узнал о предстоящем выступлении, первое, что пронеслось у меня в голове, было: «Почему Молотов? Почему не Сталин? По такому случаю нужно было бы выступление главы правительства». Однако я не придавал данному обстоятельству особого значения.

Речь наркома иностранных дел была коротка — не длиннее чет верти часа, подчеркивала вероломство Гитлера и его ответственность за развязывание войны, делала различие между бандой фашистских главарей и германским народом и выражала уверенность, что Советские Вооруженные Силы сумеют выбросить гитлеровских захватчиков из нашей страны, как это сумели сделать наши предки в наполеоновскую эпоху. Заканчивалась речь словами: «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами».

Иден принял меня с большой дружественностью и долго говорил о сочувствии и симпатии Англии и ее парода к Советскому Союзу в этот грозный для него час. Я поблагодарил министра иностранных дел за его добрые слова, но гораздо больше меня интересовало, каковы будут теперь действия британского правительства. Меня очень беспокоила мысль, что, получив сейчас волею судеб могущественного союзника на Востоке, правящая Англия, как то не раз бывало в прошлом, взвалит на его плечи главные тяготы войны, а сама постарается отойти несколько в сторону. Поэтому я в упор поставил Идену вопрос: какова будет политика британского правительства в отношении СССР и не станет ли оно несколько сворачивать свои «военные усилия» для разгрома противника? Каково будет также отношение Англии к «мирной оффензиве» Гитлера на Западе, чего, очевидно, надо будет ожидать сейчас, когда все свои основные силы он бросил па Восток, против нашей страны?

Иден твердо ответил, что говорить о мире с Гитлером сейчас можно меньше, чем когда-либо, что «военные усилия» Англии будут развертываться и дальше полным ходом и что политика британского правительства в отношении СССР будет дружественной и отзывчивой.

— Сегодня вечером, — продолжал Иден, — премьер выступит с большой речью по радио, и вы из его собственных уст сможете все это услышать.

Я выразил удовлетворение по поводу заявлений министра иностранных дел и обещал немедленно же информировать о том Советское правительство. Затем я прибавил:

— Могу я обратиться к вам с просьбой? — и когда Идеи ответил полной готовностью ее исполнить, я продолжал: — Передайте премьеру, что исключительно важно было бы, если бы в своей сегодняшней речи он был максимально определен по двум вопросам: о том, что Англия будет твердо поддерживать СССР в этой войне, и о том, что Англия ни в коем случае не пойдет на мир с Германией. Англии и СССР предстоит сейчас пройти немалый отрезок исторического пути вместе. Во избежание излишних трений и разногласий надо предупредить возможность каких-либо недоразумений между обеими сторонами.

Иден выслушал меня и сказал:

— Охотно исполню вашу просьбу. Не сомневаюсь, что премьер отнесется к ней с большим вниманием. Между вами и нами должна быть полная ясность отношений.

Дальнейшее — увы! — показало, что как раз этой «полной ясности отношений» между Лондоном и Москвой не было на протяжении всей войны, но тогда это еще было в лоне будущего, и поэтому я ушел от Идена очень ободренный.

В 9 часов вечера Черчилль выступил по радио. Я внимательно слушал его. Премьер не скрывал, что он был и остается принципиальным противником коммунизма и что он «не возьмет назад ни одного своего слова», сказанного за минувшие четверть века против коммунизма, но, продолжал Черчилль, «все это сейчас бледнеет перед открывающейся перед нами картиной... Я вижу русских солдат, которые стоят на пороге своей родины и охраняют поля, с незапамятных времен обрабатывавшиеся их отцами. Я вижу их на страже своих домов, где матери и жены молятся — да, да, бывают моменты, когда все молятся, — о безопасности своих любимых, своих кормильцев, своих защитников и покровителей. Я вижу десятки тысяч русских деревень, где у земли с таким трудом отвоевываются средства к существованию, но где все-таки у людей имеются простые человеческие радости, где девушки смеются и дети играют. Я вижу, как на все это наступает ужасная военная машина нацизма...»

Далее, касаясь военной политики Англии, Черчилль говорил: «Мы полны решимости уничтожить Гитлера и всякое напоминание о нацистском режиме... Мы никогда не будем вести переговоров ни с Гитлером, ни с кем-либо из его банды... Каждый человек, каждое государство, которые ведут борьбу против нацизма, получают нашу поддержку... Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю ту помощь, на которую способны».

Черчилль обосновывал свое отношение к СССР и его борьбе подлинными интересами Англии. Гитлер, говорил он, «хочет сломить русскую мощь, ибо надеется, что, если это ему удастся, он сможет бросить главные силы своей армии и авиации на наш остров... Его вторжение в Россию есть не больше, как прелюдия к вторжению на Британские острова... Вот почему опасность для русских — это опасность и для нас, и для США точно так же, как дело каждого русского, борющегося за свое сердце и свой дом, — это дело каждого свободного человека и каждого свободного народа во всех концах земли»*.

Прослушав Черчилля, я подумал: «На сегодня можно быть довольным: премьер совершенно ясно заявил, что Англия не пойдет сейчас па сделку с Гитлером, что она будет оказывать поддержку Советскому Союзу... Но вот какую поддержку? В каких формах? До какого предела? Ведь формула «всю ту помощь, на которую мы способны», допускает различные толкования. <...>

Вопрос о втором фронте

Я с нетерпением ждал каких-либо руководящих указаний от Советского правительства и прежде всего указаний о том, готовить ли мне в Лондоне почву для заключения формального англо-советского военного союза.

Я считал, что в годину великого бедствия каждый советский гражданин должен что-то сделать для своей страны. Из моих прежних разговоров с товарищами в Москве я знал, что вопрос о втором фронте является одним из важнейших в случае нападения Германии на СССР. Я решил сделать соответственный демарш.

Но с кем говорить на такую тему? Логичнее всего было бы говорить об этом с премьером, однако по целому ряду симпто-

* W. Churchill. The Second World War, vol. III, p. 331–333.

мов я склонен был думать, что Черчилль отнесется к такой идее отрицательно (так оно в дальнейшем и вышло). С Иденом? Это было бы правильнее всего с этико-дипломатической точки зрения: ведь Идеи занимал тогда пост министра иностранных дел. Однако Идеи, если даже допустить, что он встретит предложение о втором фронте сочувственно, находится под слишком сильным влиянием премьера и едва ли решится стать в оппозицию к нему. По указанным соображениям я отказался от мысли обращаться по данному поводу к Черчиллю и Идену.

Тогда к коку же? По зрелом размышлении я пришел к выводу, что, пожалуй, целесообразнее всего первый демарш сделать перед лордом Бивербруком. Это был человек смелый и самостоятельный. Он легко воспринимал новые мысли, оригинальные методы действия. Бивербрук был в то время членом военного кабинета Черчилля и как таковой имел отношение к общим вопросам стратегии и ведения войны. Вдобавок за предшествующие шесть лет у меня сложились с ним хорошие личные отношения. Он бывал у меня в посольстве, я бывал у него на его городской квартире в Лондоне и в его имении Черкли. В последние предвоенные годы Бивербрук немало сделал для пропаганды англо-советского сближения. Все это давало мне основание предполагать, что Бивербрук может встретить идею второго фронта более сочувственно, чем Черчилль или Идеи. Правда, такой обход премьера и министра иностранных дел представлял известное отступление от нормальных дипломатических правил, но можно ли было считаться с этим в момент столь грозной опасности? Необычная ситуация, естественно, требовала и необычных методов действий. И я решился: на пятый день после начала германо-советской войны я отправился в Черкли и просил Бивербрука поднять в военном кабинете вопрос об открытии второго фронта во Франции.

В тот момент сведения о ситуации на германо-советском фронте были очень путаные и противоречивые. Немцы, конечно, кричали о своих «потрясающих успехах» и изображали дело так, будто бы Красная Армия разваливается у них на глазах. Английские источники были осторожнее, но и они констатировали победы вермахта и поражения советских войск. В английском министерстве обороны тогда говорили, что «немцы пройдут через Россию, как нож проходит через масло», причем пессимисты утверждали, что Гитлер станет «хозяином России» через шесть

недель, а оптимисты полагали, что для этого ему потребуется три месяца. Советские военные сводки изображали положение вещей в более благоприятном для нас смысле, но и из них было ясно, что вермахт продвигается вперед, а Красная Армия отступает.

Ставя перед Бивербруком вопрос о втором фронте, я аргументировал главным образом реальными интересами самой Англии.

Я говорил, что Британия в одиночку (даже со своей империей) никогда не сможет одержать победу над третьим рейхом и сохранить свои мировые позиции. Для этого ей нужен сильный союзник на суше. Такой союзник у нее сейчас появился. Правда, пока он терпит известные неудачи, но это временное явление. Рано или поздно наступит перелом, и тогда немцы начнут терпеть неудачи.

В доказательство я привел некоторые исторические примеры из прошлого России. Англии выгодно, чтобы такой перелом наступил возможно скорее и разгром гитлеровской Германии произошел в самом ближайшем будущем, а для этого необходим второй фронт, и чем быстрее, тем лучше.

Бивербрук внимательно слушал меня и затем сказал:

— Все, что вы говорите, очень хорошо, но...

Он замолчал и затем, испытующе глядя на меня, добавил:

— Позвольте быть с вами вполне откровенным... Вы действительно будете драться? У вас не произойдет того, что случилось во Франции?

Я был так ошеломлен вопросом моего собеседника, что сначала почти лишился дара речи. Опомившись, я вскипел и резко воскликнул:

— We will fight like the devils! (Мы будем драться, как дьяволы!)

Бивербрук внимательно посмотрел на меня, потом коснулся рукой моего плеча и каким-то более теплым, чем обычно, голосом сказал:

— Я вам верю... Хорошо, я попробую поставить вопрос о втором фронте перед правительством. Я считаю, что второй фронт сейчас необходим.

Позднее, когда Советская страна продолжала вести героическую борьбу против гитлеровских орд, Бивербрук мне не раз говорил:

— Я рад, что поверил вам тогда... Ваши люди действительно дерутся против наци, как дьяволы.

Сам Бивербрук с того же времени стал горячим сторонником второго фронта и в дальнейшем немало сделал для его осуществления. Об этом красноречиво свидетельствует ряд опубликованных после войны документов. Он также оказал нам немало услуг по части военного снабжения.

О своем разговоре с Бивербруком я немедленно телеграфировал в Москву. Никаких возражений против моей инициативы не последовало. Напротив, парком иностранных дел вызвал к себе Криппса (который сразу же после 22 июня вернулся в Москву) и, ссылаясь на сочувственное отношение Бивербрука к идее второго фронта, просил британского посла поставить этот вопрос перед британским правительством. Криппс сообщил о демарше наркома в Лондон, и тут произошел любопытный дипломатический инцидент. Идеи пригласил меня к себе и, указывая на лежавшую перед ним шифровку Криппса, стал спрашивать, с кем именно я имел разговор о втором фронте: шифровальщик что-то напутал, и имя моего собеседника в телеграмме искажено, понять ничего невозможно.

Я ответил:

— Моим собеседником был лорд Бивербрук.

По лицу Идена прошла тень раздражения и неудовольствия.

— Ах, лорд Бивербрук... — протянул Иден.

И затем скороговоркой он стал упрекать меня, что я не обратил с вопросом о втором фронте прямо к нему: ведь такая проблема непосредственно относится к его компетенции, как члена кабинета и министра иностранных дел.

Попытка Бивербрука заинтересовать кабинет вопросом о втором фронте потерпела неудачу. Черчилль, как я и предполагал, отнесся к этой идее отрицательно. Его поддержало большинство членов кабинета. Потребовалось три года упорной борьбы со стороны Советского Союза, прежде чем второй фронт во Франции был, наконец, открыт, да и то потому, что западные державы боялись, как бы Красная Армия не пришла в Берлин раньше.

Возможно, это последнее положение захотят оспаривать англо-американские историки, политики и военные. И все-таки оно справедливо. Когда сейчас, много лет спустя, суммируешь весь материал, относящийся к вопросу о втором фронте, становится совершенно ясно, что мотивы помощи СССР играли вторую и третьестепенную роль в организации вторжения во Францию

летом 1944 г. А на протяжении трех лет, которые ушли на борьбу за второй фронт, главным противником последнего неизменно оказывался премьер Великобритании Уинстон Черчилль. Вот как на практике расшифровывалась его формула о том, что англичане окажут СССР в этой войне «всю ту помощь, на которую они способны».

